

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

УДК 34-342

DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/17-28>

ПРИНЦИП НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНСТИТУЦИОННОЙ ИСТОРИИ ИСПАНИИ

Т. А. Алексеева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

THE PRINCIPLE OF NATIONAL SOVEREIGNTY IN THE CONSTITUTIONAL HISTORY OF SPAIN

T. A. Alexeeva

National Research University "Higher School of Economics"

Аннотация: раскрываются роль принципа национального суверенитета в конституционной истории Испании, характерные черты его законодательного оформления, понимания его субъекта. Выявлено значение национального суверенитета как «учредительного» принципа в XIX в. и как «первоначального» принципа в XX в. Определено его соотношение с принципами народного суверенитета и государственного суверенитета как основами испанских основных законов. **Ключевые слова:** испанское государство, конституция, конституционные основы, народ, нация, основной закон, принципы, суверенитет.

Abstract: the paper is devoted to the role of the principle of national sovereignty in the constitutional history of Spain, to the characteristic features of its legislative regulation, to the concept of nation. The significance of national sovereignty as a "constituent" principle in the 19th century and as an "original" principle in the 20th century is demonstrated. Special attention is paid to its relationship with the principles of people's sovereignty and state sovereignty in the Spanish constitutional history.

Key words: Spanish state, constitution, constitutional principles, people, nation, fundamental law, principles, sovereignty.

Принцип национального суверенитета занял центральное место в системе идейных основ многих конституций в XIX–XXI вв. Изучение его содержания и характерных черт законодательного закрепления на уникальном материале Испании позволяет выявить важные вехи в формировании и место в системе базовых принципов конституционализма, понять значение и роль в эволюции государственно-правовых институтов. Важной предпосылкой полезности исследования применения принципа национального суверенитета в одной из стран романо-германской правовой семьи явилось отсутствие в конституционной истории Испании единствен-

ного и «стабильного» юридического понятия суверенитета, а также динамика его содержания¹.

Национальный суверенитет в испанской конституционной монархии XIX в.

В XIX в. Испания стала конституционной монархией, что было зафиксировано конституциями 1808, 1812, 1837, 1845, 1856, 1869, 1876 гг. и Королевским статутом 1834 г.² Возвращение к

¹ См.: Pérez Serrano N. El concepto clásico de Soberanía y su revisión actual // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1933. Vol. 16, no. 63. P. 289–327 ; Moreno García S. La concepción y el concepto de soberanía. Particular referencia al Artículo 1.2 de la Constitución Española de 1978 (Tesis doctoral). P. 13 ; Turégano I. Soberanía // Eunomía. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. No. 4. P. 154 et al.

² Тексты исторических испанских конституций,

неограниченной власти монарха в 1814–1820 гг. и 1823–1833 гг., а также в период Первой Испанской республики (1873–1874) лишь на некоторое время прервало укрепление данной формы правления. Началом преобразований и основой конституционного строя явился принцип суверенитета, ставший предметом дискуссий при разработке проектов указанных выше основных законов. В центре всех обсуждений стоял вопрос о субъекте, обладающем правом принять и изменить конституцию. Решая его, учредители и государственные деятели должны были сделать выбор между королем и нацией в лице кортесов или нацией, представленной кортесами и королем. Соответственно, суверенитет в данном понимании предстал в конституционных текстах в трех разновидностях: королевский, национальный и совместный.

Острота значимости учредительной власти для страны была задана национально-освободительной войной (1808–1814), которую народ, оставленный «любимым» монархом Фернандо VII, вел против наполеоновской Франции, отвергнув короля Жозефа (Хосе) Бонапарта, «дарованного» стране императором французов, и объявленной им хронологически первой в Испании Конституции 1808 г. Реально продемонстрированный народом суверенитет стал основой признания созванными генеральными и чрезвычайными кортесами национального суверенитета как идейного фундамента учреждаемого строя, сохранившего значение «реквизита» испанского конституционализма в течение двух столетий³.

Впервые принцип был объявлен декретом этих кортесов 24 сентября 1810 г., в первый день их заседаний. Декларация («...и пусть национальный суверенитет принадлежит кортесам») стала базой их учредительной деятельности и одновременно обоснованием их верховенства в осуществлении публичной власти в Испании до принятия конституции. Учредительные кортесы в своем первом декрете показали, что пре-

тендуют исключительно на временную реализацию суверенитета, принадлежащего нации (а не на признание его носителем), в силу представительного характера их состава. Отмеченный Х. Касановой «плюрализм» суверенитетов в 1808 г., субъектами которого, по мнению исследователя, являлись народ, король Жозеф Бонапарт и генеральные и чрезвычайные кортесы, следует охарактеризовать не только как фактически сложившийся, но и как срочный⁴.

Вопрос о суверенитете, как и в соседней Франции во время ее Великой революции, стал предметом острых дебатов при разработке первой национальной конституции в 1810–1812 гг. и проведении революционных государственно-правовых преобразований. Испанские учредители хорошо знали французский конституционный опыт и заимствовали из него «существенные атрибуты» подхода к суверенитету: признание его абстрактного, неперсонализированного характера и «рационализацию политической власти»⁵.

Вместе с тем важное значение имело и учение испанского мыслителя и государственного деятеля Г.-М. Ховельяноса (1744–1811). Для него национальный суверенитет (*soberanía nacional*) (или «верховенство» – *supremacía*) – это «верховное, первоначальное и неотъемлемое» право нации на охрану и защиту конституции⁶. Он реализуется законодательной властью – кортесами как собранием представителей нации. Наряду с данным видом суверенитета Г.-М. Ховельянос также выделил политический суверенитет (*soberanía política*) (или суверенитет – *soberanía*) – «независимую и высшую власть по руководству общей деятельностью». Он осуществлялся исполнительной властью, вверенной королю, который «суверенно руководит» общими делами строго в соответствии с законами⁷. Г.-М. Ховельянос отметил определенное участие монарха в законотворчестве, но подчеркнул, что главную роль в нем все же играют кортесы.

Декрета от 24 сентября 1810 г., Королевского статута 1834 г., Органического закона государства 1967 г. по изд.: Алексеева Т. А. История испанских конституций : тексты и комментарии. М., 2021.

³ Данный выразительный термин-характеристика использован в статье: Masferrer A. Soberanía nacional en las Cortes gaditanas : su debate y aprobación // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años. En 2 t. T. 2 / Dir. J. A. Escudero. Madrid, 2011. P. 639.

⁴ См.: Casanova J. A. La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 1998. No. 1. P. 295.

⁵ Turégano I. Soberanía // Eunomía. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. No. 4. P. 156.

⁶ См.: Jovellanos G. M. (de). Aclaraciones del Autor. Obras. En 8 t. T. 5. Madrid, 1845. P. 576–577.

⁷ См.: Ibid. P. 576–578.

Национальный суверенитет по Конституции 1812 г.

Наиболее полно и в завершенном виде принцип национального суверенитета нашел свое закрепление в первом национальном основном законе – в Политической конституции Испанской монархии 1812 г. Несмотря на то что в генеральных и чрезвычайных кортесах имелись сторонники признания и королевского, и совместного суверенитета (короля и кортесов), при обсуждении конституционного проекта победу одержали сторонники национального суверенитета, убежденные в том, что «нация ни при каких обстоятельствах не может от него отказаться»⁸.

Конституция 1812 г. декларировала: «Суверенитет по существу принадлежит нации» (ст. 3). Несмотря на сходство с формулировками Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ст. 3) и Конституции 1791 г. (ст. 1 вводной части раздела третьего «О государственных властях»)⁹, в данном положении понятие нации имело содержание, отличное от французского. Наличие «различных вариантов национальной идеи» в испанском обществе, отмеченное в исторической литературе¹⁰, нашло отражение в дискуссиях на заседаниях учредительных кортесов. У депутатов не было единого представления о «нации». Для защитников королевских прерогатив нация – «союз короля и народа», для депутатов из колоний в Америке – объединение индивидов и народов провинций, для либералов из Испании – «существо чисто идеальное, фиктивное», «субъект ответственности за власть», «результат объединения индивидуальных волей, из которого возникла общая воля»¹¹. Однако ни один из данных подходов к понятию нации, в том числе аналогичный тому, который разделяли многие депутаты учредительного собрания, принявшего первую конституцию Франции, не нашел конституционного оформления.

⁸ Fernández García A. La cuestión de la soberanía nacional // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2002. Vol. 24. P. 48.

⁹ Конституция 1791 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. М., 1957. С. 255.

¹⁰ См., например: Кирсанова Н. В. Представление о нации и национальное сознание в Испании. XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005. С. 303.

¹¹ Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. No. 87. P. 13–15.

Генеральные и чрезвычайные кортесы определили испанскую нацию как «объединение испанцев обоих полушарий» (ст. 1), как «политическое общество», состоявшее из индивидов (ст. 13). Данное представление о нации в Конституции 1812 г. оказалось весьма близким понятию «народ», закрепленному во французской Конституции 1793 г. Неслучайно в труде, опубликованном на следующий год после принятия конституции, Ф. Мартинес Марина предложил дефиницию нации, основываясь на конституционной норме и определив ее как «объединение или коллективное образование всех членов государства»¹². Для состояния в нации по Конституции 1812 г. требовалось соответствие условиям, исчерпывающим образом указанным в ст. 5. Счастье нации, понимаемое как благополучие индивидов, ее составляющих, объявлялось целью правительства и всякого политического общества (ст. 13). Нация обязывалась защищать «гражданскую свободу, собственность и другие законные права всех лиц, которые ее составляют», «мудрыми и справедливыми» законами (ст. 4).

Вместе с тем учредительные кортесы связывали понятие нации не только с населением страны, но и с определенной территорией, состоящей из исторических областей, перечисленных в Конституции 1812 г. (ст. 10). Стремление учредителей подчеркнуть свою приверженность традициям страны «интеллектуально подводило к Средневековью» (Ф. Гарсия де Кортасар), в котором они обнаруживали элементы современных им конституционных принципов и институтов¹³. Корни суверенитета нации, как утверждали члены конституционной комиссии, находились в средневековом прошлом, что и делало для них принцип национального суверенитета бесспорным¹⁴.

Нация как республика, по Цицерону (*De re publica*. I. XXV. 39), предстала общностью, единство которой обеспечивалось католической апостольской римской религией, признанной рели-

¹² Martínez Marina F. Teoría de las Cortes o grandes juntas nacionales de los reinos León y Castilla. T. 1. Madrid, 1813. P. 241.

¹³ García de Cortázar F. Presentación // Nación española: historia y presente // Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales. 2001. No. 63. P. 9.

¹⁴ См.: Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz, 1812. P. 7.

гией нации (ст. 12), и монархической формой правления (ст. 14). Во время дебатов депутат Льянерас предложил также указать на единство законов и наличие у нации «главы (*cabeza*), каковым является король»¹⁵, а депутат Льямас отождествил нацию с Испанской монархией. При этом он использовал проработанное еще в Средневековье антропоморфическое представление о нации как о «моральном теле» (*cuero moral*) и о короле как его голове (*cabeza*)¹⁶. Но предложения Льянераса и Льямаса не были поддержаны большинством депутатов.

В то же время единство нации должно было гарантировать и введенное, как отметил Сантос М. Коронас, наряду с «юридической» концепцией, сложившейся во время правления испанских Бурбонов, его конституционное понятие¹⁷. Базируясь на представлении о нации как объединении исторически сложившихся регионов, сохранивших свои учреждения и правовые институты и в период абсолютизма, конституционное понятие служило формированию единого правового пространства в стране¹⁸.

Испанские конституционалисты выделяют внешний и внутренний аспекты национального суверенитета, провозглашенного в 1812 г.¹⁹ Внешний суверенитет отражен в провозглашении свободы и независимости испанской нации, которая «не является и не может быть предметом собственности какой-либо семьи или отдельного лица» (ст. 2). Внутренняя сторона суверенитета доктринально и легально была связана с учредительной функцией нации – с ее исключительным правом устанавливать основные законы, т. е. принимать конституцию (ст. 3), и вносить в них поправки. В Конституции 1812 г. весьма подробно была регламентирована про-

цедура изменения и дополнения ее текста. Это являлось исключительным правом кортесов и депутатов, обладающих специальными полномочиями (ст. 382), а король обязывался опубликовать принятое решение.

При последовательном закреплении национального суверенитета кадисские учредители, следуя учению Г.-М. Ховельяноса, вручили «политический» суверенитет королю. Ему вверялась исполнительная власть, кроме того, «совместно» с кортесами он осуществлял законодательную власть. При этом однопалатные кортесы как «собрание депутатов, представляющих нацию» (ст. 27), обладали неоспоримым верховенством в системе высших органов государства. Конституционная комиссия заявила о том, что за нацией как за сувереном «сохраняется законодательная власть»²⁰. Л. Санчес Ахеста охарактеризовал введенную систему как основанную на приоритете законодательного органа²¹.

В отличие от Основного закона 1812 г., Конституция 1808 г. и Королевский статут 1834 г. (третий конституционный акт в истории Испании) были основаны на принципе королевского суверенитета. Испанские исследователи обнаруживают его истоки в доконституционной политико-правовой традиции страны²². Данный вид суверенитета не упоминался в текстах конституции и статута, он логично выводился из факта его октроирования Жозефом Бонапартом и королевой правительницей соответственно. Королевский суверенитет актов 1808 и 1834 гг. предопределил минимально ограниченную власть короля и передачу некоторых полномочий указанным в них органам.

Национальный суверенитет в конституциях 1837, 1856 и 1869 гг.

В 40-е гг. XIX в. Х. Ф. Пачеко предложил классификацию видов суверенитета, которая весьма полезна для анализа рассматриваемой проблематики. «Учредительный» суверенитет (*soberanía constituyente*), по мнению юриста, проявлялся в праве учредительной власти самостоятельно устанавливать основные законы, и в этом он частично подобен национальному су-

¹⁵ Sesión del 25 de agosto de 1811 // Diario de sesiones de las Cortes Generales y extraordinarias. T. IX. Madrid, 1874. No. 327. P. 1690.

¹⁶ См.: Ibid. P. 1687.

¹⁷ См.: Coronas S. M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz // 1812: fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: nazione, rivoluzione, costituzione – rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie / a cura di A. Romano e F. Vergara Caffarelli. En 2 vol. Vol. 1. Palermo, 2012. P. 299.

¹⁸ См.: Ibid. P. 310.

¹⁹ См.: Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G. La forma de Gobierno en la Constitución de Cádiz // 1812: fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: nazione, rivoluzione rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie. Vol. 2. Palermo, 2012. P. 713–714.

²⁰ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. P. 21.

²¹ Sánchez Agesta L. Poder ejecutivo y división de poderes // Revista de derecho constitucional. 1981. Vol. 1, no. 3. P. 16–17.

²² Esteban J. (de). Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. Madrid, 2001. P. 164.

веренитету Г.-М. Ховельяноса. «Учрежденный» суверенитет (*soberanía constituida*) ассоциировался для Х. Ф. Пачеко с верховенством публичной власти и был неотъемлемым от законотворчества. При этом закон, по мнению юриста, являлся «выражением» суверенитета, поэтому его субъектом признавался орган, принимающий законы²³. Данный вид суверенитета существенно отличается от «политического» суверенитета по Г.-М. Ховельяносу. Кроме того, Х. Ф. Пачеко подчеркнул значение «первоначального» суверенитета (*soberanía originaria*), под которым понимал источник публичной власти, каковым в XIX в. бесспорно признавался Бог. Через несколько десятилетий три указанные вида суверенитета были отмечены и В. Сантамариа де Паредес²⁴.

Национальный суверенитет по Конституции 1812 г. согласно данной классификации, применяемой ретроспективно, являлся «учредительным». Таковым он предстал и в конституциях 1837 г. (преамбула), 1856 г. (ст. 1), 1869 г. (ст. 32). Его проповедниками стали либералы-прогрессисты, демократы, республиканцы. Примечательно, что Изабелла II отсутствовала в Испании при разработке проекта и при принятии Конституции в 1869 г., как Фернандо VII в 1812 г., а в 1837 и 1856 гг. королева не принимала участия в процессе разработки и обсуждения основных законов. В трех вышеуказанных конституциях принцип суверенитета, включая определение его субъекта, не получил развернутой характеристики. Очевидно, что для учредителей его провозглашение стало аксиомой, содержание которой уже не нуждалось в пояснениях. В то же время они явно стремились избежать острого обсуждения вопроса о понятии нации.

Национальный суверенитет подразумевался в преамбуле Конституции 1837 г., объявленной королевой-правительницей от имени малолетней дочери (королевы «по милости Бога и Конституции испанской монархии») «в соответствии с волей нации... на основе ее суверенитета». Его отсутствие в основном тексте Конституции 1837 г. объяснялось нежеланием превратить национальный суверенитет в принцип «постоянного действия», который подталкива-

ет к конституционной нестабильности и поэтому должен быть актуальным только в моменты острой необходимости²⁵. В тексте принятой, но непромульгированной Конституции 1856 г. сохранилась норма о принадлежности суверенитета «по существу нации», признании за ним «исключительного права устанавливать свои основные законы», заимствованная из Конституции 1812 г. и дополненная положением: «Все государственные власти исходят от нации» (ст. 1).

После отъезда королевы Изабеллы II из Испании в результате Сентябрьской революции 1868 г. выбор вида «учредительного» суверенитета оказался тесно связанным с вопросом о форме правления. Сторонники монархии как неотъемлемой характеристики испанской нации стремились к признанию совместного суверенитета короля и кортесов. Приверженцы национального суверенитета требовали отстранения Бурбонов от власти, а республиканцы отождествляли нацию и народ, выступая за провозглашение народного суверенитета²⁶. После дискуссии учредительные кортесы объявили в преамбуле Конституции 1869 г. о ее принятии именем нации. Они заявили о «примате» национального суверенитета²⁷ и частично воспроизвели (ст. 32) норму из Конституции 1856 г. (ст. 1) без указания на источник государственных властей. Конституанта сохранила монархию (ст. 33), но она уже не была связана с династией Бурбонов. Кроме того, особо подчеркивают исследователи, более демократичными стали основы организации системы органов власти и их отношений с гражданами²⁸.

В конституциях 1856 г. (ст. 87) и 1869 г. (ст. 110) регламентировано участие короля в процессе внесения изменений и дополнений в Основной закон, что не предусматривалось Конституцией 1812 г. Совместно с кортесами он наделялся правом выступить с инициативой внесения поправок в 1856 г. (ст. 87). Это могли сделать король или кортесы по Конституции 1869 г. (ст. 110). Однако, как в Конституции

²⁵ См.: *Fernández Segado F.* Las constituciones históricas españolas. Madrid, 1992. P. 200.

²⁶ См.: *Bolaños Mejías C.* Soberanía nacional y soberanía compartida en la estructura política de la Constitución española de 1869 // *Boletín de la Facultad de Derecho.* 1998. No. 13. P. 187.

²⁷ См.: *Sánchez Agesta L.* Historia del Constitucionalismo español (1808–1936). Madrid, 1964. P. 304–305.

²⁸ См.: *Calero A. M.* Monarquía y democracia en las Cortes de 1869. Discursos parlamentarios. Madrid, 1987. P. 22.

1812 г., в 1856 и 1869 гг. санкция короля в отношении изменений, принятых учредительными кортесами, не предусматривалась. Конституция 1837 г., подготовленная в условиях компромисса прогрессистов и умеренных, не содержала норм о порядке ее ревизии.

«Учрежденный» суверенитет, предопределенный национальным суверенитетом, характеризовался тем, что конституции 1837, 1856 и 1869 гг., как и Основной закон 1812 г. (ст. 15), закрепили осуществление законодательной власти кортесами «совместно с королем» (ст. 12 (1837 г.), ст. 15 (1856 г.)). Королевская санкция требовалась для промульгации и введения принятого закона в действие конституциями 1837 г. (ст. 39) и 1856 г. (ст. 40). В Конституции 1869 г. кортесы были указаны в качестве единственного субъекта законодательной власти, осуществляемой при некотором символическом участии короля (ст. 34). Исполнительная власть по всем конституциям вручалась королю и осуществлялась им при помощи министров.

Конституционное развитие Испании, основанное на национальном суверенитете, закрепленном тремя указанными выше конституциями, не было долгим. Оно продолжалось в XIX в. в общей сложности менее двух десятилетий и прерывалось принятием и введением в действие Конституции 1845 г. (действовала с перерывами до 1868 г.), а также установлением в 1873 г. Первой Испанской республики. Последняя была вновь заменена реставрацией конституционной монархии и восстановлением Бурбонов на троне, что получило оформление в Конституции 1876 г.

Фундаментом конституций 1845 и 1876 гг. стал принцип совместного суверенитета короля и кортесов. Проводниками данного вида «учредительного» суверенитета являлись умеренные либералы и альфонсинисты. Совместный суверенитет не был провозглашен в виде четкой формулировки, но явился предметом рассуждений политиков, дебатов в кортесах, проработки в испанской юридической науке²⁹. Принцип нашел отражение в преамбулах этих актов, содержащих указание на «волю» королевы и кортесов в 1845 г. и на «союз и согласие» короля и кор-

тесов в 1876 г. Выдающийся испанский специалист по конституционному праву Л. Санчес Агеста усмотрел в этих формулировках «выражение гармонии» между «исторически учрежденными властями, возникшими до появления основных законов»³⁰. Данные положения опирались на идею «исторической» (по Г.-М. Ховельяносу) или «внутренней» (по А. Кановасу) конституции, которая, по мнению, разделяемому учредительными кортесами, сформировалась в пиренейских королевствах до установления абсолютизма³¹. Ее базовыми элементами считались король и кортесы, и исторически принадлежавший им суверенитет позволял принять или изменить конституцию. Поэтому в конституциях 1845 и 1876 гг., как и в основных законах, базирующихся на королевском «учредительном» суверенитете, отсутствовали нормы, предусматривающие порядок внесения изменений в конституцию, что отличало их от актов, принципом которых был национальный суверенитет. Следствием совместного суверенитета стало усиление власти короля во взаимоотношениях с кортесами и переход от принципа разделения властей к принципу их «сотрудничества».

Национальный суверенитет и государственный суверенитет

В последней четверти XIX в. в Испании наметились изменения в отношении понимания принципа национального суверенитета и его значения, и это имело место как на доктринальном, так и на законодательном уровнях. Данная тенденция нашла выражение в трех следующих текстах.

В 80-е гг., во время действия Конституции 1876 г., В. Сантамария де Паредес уделил пристальное внимание проблематике суверенитета. Юрист исходил из «учредительного» суверенитета нации, который никем не может быть присвоен, и из признания, что от нее исходят все власти. При этом В. Сантамария де Паредес отождествлял нацию с государством, понимал национальное государство как форму культурно-исторической общности (*nacionalidad*)³². Поэтому он был убежден, что суверенитет государства

³⁰ *Sánchez Agesta L.* Curso de derecho constitucional comparado. Madrid, 1974. P. 430.

³¹ См.: *Sánchez Agesta L.* Historia del Constitucionalismo español. Madrid, 1964. P. 191.

³² См.: *Santamaría de Paredes V.* Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. Madrid, 1890. P. 109–110.

²⁹ См.: *Varela Suanzes-Carpegna J.* Política y Constitución en España (1808–1978). Madrid, 2007. P. 521 ; пример дискуссии: Sesión de 11 de marzo de 1876 // Diario de las sesiones Cortes Congreso de los Diputados. Legislatura 1876–1877. No. 20. T. I. Madrid, 1877. P. 363.

выражает дух всего общества в целом, независимо от имеющихся социальных различий³³. Следует отметить, что аналогичные интеллектуальные усилия И. А. Исаев охарактеризовал как попытку «идейно соединить государство с обществом»³⁴. «Учрежденный» суверенитет предполагал, по В. Сантамария де Паредес, осуществление власти от имени государства его органами. Эти мысли выдающегося испанского юриста обосновали будущее магистральное направление в эволюции принципа суверенитета в XX в.

Материалом для таких размышлений стал в том числе и конституционный опыт Испании, представленный прежде всего положениями конституционного проекта, внесенного в учредительные кортесы в 1873 г. Авторы документа предлагали объявить конституцию от имени нации, показав ее связь с основными законами XIX в. и принципом «учредительного» национального суверенитета. В основном тексте термин «нация» был использован в трех значениях: как «федеративное государство» (ст. 43), «испанское общество» (ст. 1, 40) и как синоним названия страны – Испании (ст. 39). Причем первое значение было особо важным для основного закона федеративной республики, каковой должна, по мнению авторов проекта, стать Испания. Поэтому трудно согласиться с утверждением Д. Трухильо о старании авторов избежать употребления термина «нация» как не соответствующего взглядам сторонников федеративной республики³⁵. Вместе с тем они предложили впервые в истории Испании закрепить принцип народного суверенитета (ст. 42), которому предстояло занять место, прежде предназначенное для национального суверенитета, предвосхитив динамику принципа суверенитета во время Второй Испанской республики.

Задел для будущего использования национального суверенитета во франкистской Испании (1939–1975) был сделан в Предварительном конституционном проекте, разработанном во время директории М. Примо де Риверы в 1929 г. В нем определено соотношение понятий нации и государства: нация «конституировалась в по-

литически единое государство» (ст. 1), а государство определялось как «постоянный представительный орган нации» (ст. 4). Государство осуществляло национальный суверенитет, что выводится при систематическом толковании положения об осуществлении суверенитета государством как органом нации (ст. 4). Принципом функционирования государства была объявлена «дифференциация и координация властей» (ст. 5) вместо традиционного принципа разделения властей.

Так была намечена тенденция к объявлению суверенитета государства новому пониманию национального суверенитета в XX в.

Суверенитет в Конституции Второй Испанской республики

В преамбуле Конституции 1931 г. Испания была указана источником публичной власти и заменила собой понятие «нация». Использованием названия страны для обозначения субъекта суверенитета и указанием на представляющие ее кортесы, которые приняли Основной закон, учредители продемонстрировали приверженность сложившейся конституционной традиции, хотя от терминов «национальный суверенитет» и «нация» они отказались, очевидно, в связи с остротой дискуссии о форме государственного устройства и звучавшими требованиями закрепить в Основном законе значение «региональных» наций³⁶. Не приняв это, учредители определили депутатов кортесов «представителями нации» (ст. 53), а также объявили, что президент республики «олицетворяет нацию» (ст. 67). Как и в конституциях XIX в., базировавшихся на принципе национального суверенитета, право внесения изменений в конституцию признавалось за кортесами, депутаты которых наделялись учредительными полномочиями (ст. 125). Однако «Испания», заменившая понятие «нация», определялась как демократическая республика трудящихся всех классов, а республика – как интегральное государство, совместимое с автономией муниципий и регионов (ст. 1).

В доктрине того времени укоренилось представление о нации как политической общности людей, «проживающих на определенной территории и сотрудничающих между собой в соот-

³³ См.: Ibid. P. 358.

³⁴ Исаев И. А. Суверенитет и суверенность : пространство отчужденности и власти // Lex Russica. 2016. № 5 (114). С. 19.

³⁵ См.: Trujillo G. El federalismo español. Cuadernos para el dialogo. Madrid, 1967. P. 190.

³⁶ См.: Pérez Serrano N. La Constitución española, 9 diciembre 1931 : antecedentes, texto, comentarios. Madrid, 1932. P. 49.

ветствии с целями их союза, а также имеющих автономию в управлении своей жизнью и в обеспечении своей самобытности»³⁷. Понятие «нация» в таком понимании синонимично понятию «народ», и принцип национального суверенитета был заменен народным, что соответствовало общественным настроениям того времени³⁸. Народ был признан источником власти – учредитель декларировал: «Власть всех органов исходит от народа» (ч. 2 ст. 1). Конституция также закрепила народную законодательную инициативу и референдум, который мог быть не только общеиспанским, но и локальным (в таком случае он назывался плебисцитом), проводимым для принятия статута автономного региона (ст. 12, 66). На основе всеобщих выборов формировались муниципальные органы (ст. 9), коллегия выборщиков президента (ст. 68) и кортесы (конгресс депутатов) (ст. 51, 52). Однопалатные кортесы, президент и правительство как высшие органы государства осуществляли «суверенитет Испании», понимаемой в данном случае как «государство» (в данном значении термин употреблен в ч. 2 ст. 8). Примечательно, что это единственное употребление понятия «суверенитет» в конституционном тексте 1931 г. Так содержательно и терминологически испанский законодатель следовал намеченной тенденции к закреплению принципов государственного и народного суверенитетов, сохранив традиционное уважение к понятию «нация». Упоминание о ней в данном акте указывало на исток конституционного строя и публичной власти, который назывался в испанской доктрине XIX в. субъектом «первоначального» суверенитета.

Полновластие каудильо и национальный суверенитет

Харизматический суверенитет Ф. Франко, подобный королевскому суверенитету, в течение почти 30 лет не нуждался в юридическом оформлении³⁹. Целесообразность его введения была осознана при разработке Органического закона государства 1967 г. вместе с созданием

представления о наличии в Испании конституции. При этом впервые в истории испанского законодательства он был объявлен «единым и неделимым» и не допускались его «делегирующие или уступка» (ст. 2.1). «Учредительный» суверенитет в тот момент явно принадлежал исключительно Ф. Франко, и акт был принят главой государства (так официально называлась его должность). Однако для его легитимации и во исполнении процедуры, предусмотренной в 1947 г. для принятия основных законов, в законодательном процессе участвовали еще два других субъекта. В преамбуле закона Ф. Франко сослался на решение кортесов о разработке акта и поддержавшее его «мнение испанского народа», выраженное на проведенном референдуме.

Национальный суверенитет как принцип закрепляемого строя был указан при определении статуса главы государства, который воплощал его (ст. 6), являлся «верховным представителем нации», осуществлял высшую политическую и административную власть.

Во франкистском лексиконе был весьма распространен термин «нация». Например, на ее «волю» ссылались, объявляя о восстановлении в Испании референдумов (1945) и монархии (1947). В Органическом законе государства 1967 г. использовано понятие «национальная общность», а испанское государство было объявлено ее «верховным институтом» (ст. 1.1). Оно осуществляло суверенитет посредством органов, входивших в его «институциональную систему» и действовавших на основе принципов единства власти и координации функций (ст. 1.2, 2.2). Данными положениями из полновластия верховного правителя выделялось представление об «учрежденном» суверенитете, к осуществлению которого по Органическому закону 1967 г. он лишь «допускал другие органы», сохраняя свое исключительное положение среди них. Поэтому данный «переход», как отмечают исследователи, имел символический характер вплоть до ноября 1975 г., когда после смерти каудильо суверенитет стал осуществляться посредством органов самого государства «без исключительного и верховного положения какого бы то ни было из них»⁴⁰.

³⁷ Posada A. Tratado de Derecho político. Madrid, 1935. P. 120.

³⁸ См.: Pérez Serrano N. La Constitución española, 9 diciembre 1931 : antecedentes, texto, comentarios. Madrid, 1932. P. 60.

³⁹ См.: Linde Paniagua E., Herrero Lera M. Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales // Revista de Administración Pública. 1978. No. 5. P. 53.

⁴⁰ Linde Paniagua E., Herrero Lera M. Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales. P. 53.

Национальный суверенитет и народный суверенитет по Конституции 1978 г.

Приверженность принципу национального суверенитета продемонстрирована в Конституции 1978 г. прежде всего при объявлении в преамбуле цели ее принятия, а также в норме, объявившей его обладателя (ст. 1.2). Последнее выражено в положении, полностью заимствованном из французской Конституции V Республики 1958 г.: «Национальный суверенитет принадлежит народу» (ст. 3)⁴¹.

В Конституции 1978 г. отдается должное понятию «нация», которая признается «единственной учредительной властью»⁴². Объявлено, что Основной закон «основан на нерушимом единстве испанской нации, общем и нераздельном Отечестве всех испанцев» (ст. 2). Конституция «признает и гарантирует национальностям и регионам, которые входят в ее состав, право на автономию и солидарность между ними» (ст. 2)⁴³. Данная формулировка выражала отпор регионалистам, считавшим национальности, представители которых проживают в Испании, нациями⁴⁴.

Учредители объявили народ носителем суверенитета, истоком которого является нация, и он реализовал его посредством утверждения конституции (ст. 1.2). Развивая тезис о принадлежности народу суверенитета, учредитель, как и в 1931 г., указал: от него «исходят все власти государства» (ст. 1.2).

Представление народа как субъекта, принявшего решение о судьбе конституции, подтверждает тезис об «учредительном» народном суверенитете и подводит нас к мысли о том, что в данном случае национальный суверенитет выступает в роли «первоначального» суверенитета, основы данного подхода к его оценке, как отмечено выше, были заложены в Конституции 1931 г. Конституция была одобрена двумя субъек-

ектами – реальными участниками процесса по принятию конституции: кортесами и народом («кортесы одобрили, и испанский народ утвердил»). Логично, что в процедуре изменения конституции предусмотрено участие генеральных кортесов, а при определенном условии – и народа, выражающего свое отношение к одобренному ими законопроекту на референдуме (ст. 167). Полный пересмотр конституции или изменение ее структурных элементов, содержащих фундаментальные положения конституционного строя, осуществляется в особом порядке и требует проведения референдума (ст. 168).

В конституции определены основы статуса короля, генеральных кортесов и правительства, которые осуществляли «учрежденный» суверенитет. Король объявлен «символом единства и постоянства» государства и его главой (ст. 56.1). Однако в конгрессе депутатов также звучала мысль о том, что король «не просто глава государства, он, прежде всего, представитель нации». В защиту данного тезиса его сторонники в качестве аргументов приводили ссылки на соответствующие статьи Конституции 1931 г.⁴⁵ В Сенате Хулиан Мариас предложил следующую формулировку: «Глава государства, символ единства и постоянства нации». А С. Ольеро представил три дополнения, поясняющих значение короля: «символ и верховный представитель испанской нации», «персонифицирует испанскую нацию», «представляет испанскую нацию»⁴⁶. Данные предложения не были приняты большинством депутатов, что следовало из отношения к понятию нации и национального суверенитета.

Закрепление принципа суверенитета в основных законах, как справедливо отметил Х. Варела Суансес-Карпенья, имело «решительные последствия» в виде оформления основ испанской государственности и построения системы высших государственных органов⁴⁷. В XIX в. национальный суверенитет ассоциировался с правом принимать конституцию и вносить в нее изменения и поэтому классифицировался испанскими юристами как «учредительный». Нетождественное отношение к его обладателю различных политических сил привело к тому,

⁴¹ Конституция Французской республики (4 октября 1958 г.) // Конституции буржуазных государств / сост. В. В. Маклаков. М., 1982. С. 90.

⁴² *Peces-Barba G.* La idea de Nación en la Constitución española // España: Nación y Constitución y otros estudios sobre Extremadura / coord. por Félix Iñesta Mena, Francisco J. Mateos Ascacibar. Llerena, 2012. P. 46.

⁴³ Кортесы официально истолковали указанное положение, подчеркнув, что центральная власть сохраняет верховенство в отношении автономных образований, а также в отношении местных властей. URL: <http://www.congreso.es/consti/constitucion/indice/sinopsis/sinopsis.jsp?art=2&tipo=2>

⁴⁴ См.: *Esteban J. (de)* Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. P. 166.

⁴⁵ См.: *Rollnert Liern G.* La Jefatura del Estado: Símbolo e integración política en la Constitución vigente. Valencia, 2002. P. 97–98.

⁴⁶ Ibid. P. 98–99.

⁴⁷ *Varela Suanzas-Carpegna J.* Política y Constitución en España. P. 20.

что национальный суверенитет был одним из трех его разновидностей наряду с королевским и совместным. Каждый из них предопределил отношение к основам организации высших органов государства. За признанием национального суверенитета следовало утверждение разделения властей с лидирующей ролью кортесов в осуществлении государственной власти.

В XX в. закрепление принципа национального суверенитета означало указание на идейный источник, предопределяющий и обосновывающий учреждаемый государственный строй, и он выполнил роль «первоначального» суверенитета. «Учредительным» суверенитетом обладал народ (конституции 1931 и 1978 г.) и Ф. Франко, а «учрежденным» – государство, точнее его органы. Таковыми являлись республиканские кортесы, президент и правительство, во время правления Ф. Франко – глава государства, по Конституции 1978 г. – кортесы, правительство и король в соответствии с компетенцией, указанной в конституции.

Библиографический список

Исаев И. А. Суверенитет и суверенность : странство отчужденности и власти // *Lex Russica*. 2016. № 5 (114). С. 5–32.

Курсанова Н. В. Представление о нации и национальное сознание в Испании. XIX в. // *Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории* / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005. С. 287–313.

Тихомиров Ю. А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // *Журнал российского права*. 2013. № 3. С. 5–20.

Bolaños Mejías C. Soberanía nacional y soberanía compartida en la estructura política de la Constitución española de 1869 // *Boletín de la Facultad de Derecho*. 1998. № 13. P. 183–199.

Calero A. M. Monarquía y democracia en las Cortes de 1869. Discursos parlamentarios. Madrid, 1987. 232 p.

Coronas S. M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz // 1812: fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: nazione, rivoluzione, costituzione – rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie / A cura di A. Romano e F. Vergara Caffarelli. En 2 vol. Vol. 1. Palermo, 2012. P. 299–312.

Esteban J. (de). Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. Madrid, 2001. 362 p.

Fernández García A. La cuestión de la soberanía nacional // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2002. Vol. 24. P. 41–59.

Fernández Segado F. Las constituciones históricas españolas. Madrid, 1992. 824 p.

García de Cortazar F. Presentación // *Nación española: historia y presente* // *Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales*. 2001. № 63. P. 9–17.

González Casanova J. A. La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // *Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional*. 1998. № 1. P. 295–328.

Jovellanos G. M. (de). Aclaraciones del Autor. Obras: En 8 t. T. 5. Madrid, 1845. P. 576–577.

Linde Paniagua E., Herrero Lera M. Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales // *Revista de Administración Pública*. 1978. № 5. P. 29–71.

Martínez Marina F. Teoría de las Cortes o grandes juntas nacionales de los reinos León y Castilla. T. 1. Madrid, 1813. 311 p.

Masferrer A. Soberanía nacional en las Cortes gaditanas: su debate y aprobación // *Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años*. En 2 t. T. 2 / dir. J. A. Escudero. Madrid, 2011. P. 639–672.

Moreno García S. La concepción y el concepto de soberanía. Particular referencia al Artículo 1.2 de la Constitución Española de 1978 (Tesis doctoral). Madrid, 2006. 487 p.

Pacheco J. F. Lecciones de derecho político constitucional. Madrid, 1845. 250 p.

Peces-Barba G. La idea de Nación en la Constitución española // *España: Nación y Constitución y otros estudios sobre Extremadura* / coord. por Félix Iñesta Mena, Francisco J. Mateos Ascacibar. Llerena, 2012. P. 37–47.

Pérez Serrano N. La Constitución española, 9 diciembre 1931: antecedentes, texto, comentarios. Madrid, 1932. 347 p.

Pérez Serrano N. El concepto clásico de Soberanía y su revisión actual // *Revista de ciencias jurídicas y sociales*. 1933. Vol. 16, № 63. P. 289–327.

Posada A. Tratado de Derecho político. T. 1. Madrid, 1935. 426 p.

Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: Símbolo e integración política en la Constitución vigente. Valencia, 2002. P. 97–98

Sánchez Agesta L. Curso de derecho constitucional comparado. Madrid, 1974. 526 p.

Sánchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español. Madrid, 1964. P. 461 p.

Sánchez Agesta L. Poder ejecutivo y división de poderes // *Revista de derecho constitucional*. 1981. Vol. 1, № 3. P. 9–42.

Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G. La forma de Gobierno en la Constitución de Cádiz // 1812: fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: nazione,

rivoluzione rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie. Vol. 2. Palermo, 2012. P. 701–728.

Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. Madrid, 1890. 859 p.

Trujillo G. El federalismo español. Cuadernos para el dialogo. Madrid, 1967. 213 p.

Turégano I. Soberanía // Eunomía. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. Nº 4. P. 154–162.

Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. Nº 87. P. 11–40.

Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España. Madrid, 2007. 650 p.

References

Isaev I. A. Sovereignty and Sovereignty: Space of Alienation and Power // Lex Russica. 2016. No. 5 (114). P. 5–32.

Kirsanova N. V. The idea of a nation and national consciousness in Spain. 19th century // National idea in Western Europe in modern times: Essays on history / ed. V. S. Bondarchuk. Moscow, 2005. P. 287–313.

Tikhomirov Yu. A. Legal Sovereignty: Spheres and Guarantees // Journal of Russian Law. 2013. No. 3. P. 5–20.

Bolaños Mejías C. Soberanía nacional y soberanía compartida en la estructura política de la Constitución española de 1869 // Boletín de la Facultad de Derecho. 1998. No. 13. P. 183–199.

Calero A. M. Monarquía y democracia en las Cortes de 1869. Discursos parlamentarios. Madrid, 1987. 232 p.

Coronas S. M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz // 1812: fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: nazione, rivoluzione, costituzione – rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie / A cura di A. Romano e F. Vergara Caffarelli. En 2 vol. Vol. 1. Palermo, 2012. P. 299–312.

Esteban J. (de). Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. Madrid, 2001. 362 p.

Fernández García A. La cuestión de la soberanía nacional // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2002 Vol. 24. R. 41–59.

Fernández Segado F. Las constituciones historicas españolas. Madrid, 1992. 824 p.

García de Cortazar F. Presentación // Nación española: historia y presente // Papeles de la Fundación para el Analisis y los Estudios Sociales. 2001. No. 63. P. 9–17.

Gonzalez Casanova J. A. La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 1998. No. 1. P. 295–328.

Jovellanos G. M. (de). Aclaraciones del Autor. Obras: En 8 t. T. 5. Madrid, 1845. P. 576–577.

Linde Paniagua E., Herrero Lera M. Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales // Revista de Administración Publica. 1978. No. 5. P. 29–71.

Martínez Marina F. Teoría de las Cortes o grandes juntas nacionales de los reinos Leon y Castilla. T. 1. Madrid, 1813. 311 p.

Masferrer A. Soberanía nacional en las Cortes gaditanas: su debate y aprobación // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años. En 2 t. T. 2 / dir. J.A. Escudero. Madrid, 2011. P. 639–672.

Moreno García S. La conception y el concepto de soberanía. Particular referencia al Artículo 1.2 de la Constitución Española de 1978 (Tesis doctoral). Madrid, 2006. 487 p.

Pacheco J. F. Lecciones de derecho politico constitucional. Madrid, 1845. 250 p.

Peces-Barba G. La idea de Nación en la Constitución española // España: Nación y Constitución y otros estudios sobre Extremadura / coord. por Félix Iñesta Mena, Francisco J. Mateos Ascacibar. Llerena, 2012. P. 37–47.

Pérez Serrano N. La Constitución española, 9 diciembre 1931: antecedentes, texto, comentarios. Madrid, 1932. 347 p.

Pérez Serrano N. El concepto clásico de Soberanía y su revisión actual // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1933 Vol. 16, no. 63. P. 289–327.

Posada A. Tratado de Derecho politico. T. 1. Madrid, 1935. 426 p.

Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: Symbolo e integración politica en la Constitución vigente. Valencia, 2002. P. 97–98

Sánchez Agesta L. Curso derecho constitucional comparado. Madrid, 1974. 526 p.

Sánchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español. Madrid, 1964. 461 p.

Sánchez Agesta L. Poder ejecutivo y división de poderes // Revista de derecho constitucional. 1981 Vol. 1, no. 3. P. 9–42.

Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G. La forma de Gobierno en la Constitución de Cádiz // 1812: fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: nazione, rivoluzione rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie. Vol. 2. Palermo, 2012. P. 701–728.

Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. Madrid, 1890. 859 p.

Trujillo G. El federalismo español. Cuadernos para el dialogo. Madrid, 1967. 213 p.

Turegano I. Soberanía // Eunomia. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. No. 4. P. 154–162.

Т. А. Алексеева

Принцип национального суверенитета в конституционной истории Испании

Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. No. 87. P. 11–40.

Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España. Madrid, 2007. 650 p.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Алексеева Т. А., кандидат юридических наук, доцент, профессор-исследователь факультета права
E-mail: ta_al@mail.ru

National Research University “Higher School of Economics”

Alexeeva T. A., PhD of Legal Sciences, Professor of Legal School
E-mail: ta_al@mail.ru

Поступила в редакцию: 13.02.2023

Received: 13.02.2023

Для цитирования:

Алексеева Т. А. Принцип национального суверенитета в конституционной истории Испании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/17-28>

For citation:

Alexeeva T. A. The principle of national sovereignty in the constitutional history of Spain // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 2 (53). P. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/17-28>